

РУДЬ-РУДНЕВА М. — ПЕШКОВОЙ Е. П.

РУДЬ-РУДНЕВ Виктор Панкратьевич, родился ок. 1910. В 1927 — арестован, приговорен к 3 годам концлагеря и отправлен в Соловецкий лагерь особого назначения.

В январе 1930 — к Е. П. Пешковой обратилась за помощью его мать Мария Руднева.

<27 января 1930>

«Многоуважаемая Екатерина Павловна!

Я получила от Вас извещение о рассмотрении дела моего сына Виктора Рудь-Руднева на предмет амнистии. Екатерина Павловна, простите меня, что я осмеливаюсь обратиться к Вам с просьбой! Я долго не решалась беспокоить Вас, но мне пришлось слышать от многих лиц, что Вы отзывчивы к нам, несчастным людям, которые обращаются к Вам. Я прошу Вашего ходатайства за своего несчастного сына, который три года несет свое наказание. В течение последних пяти месяцев я получила от него одну открытку в ноябре месяце, он находился в Май Губа, пухнут ноги (вероятно, от голода), цинга, нет одежды, ни обуви. Я послала ему две посылки и немножко денег. И нет ни звука. Не доходят посылки, или что другое, я не знаю. Или такая строгость, что не разрешают писать, хотя один раз в месяц. Быть может, его нет в живых, тогда и цели нет жить. Муж мой в 14 г<оду> был мобилизован, схватил скоротечную чахотку и в 15 г<оду> умер, оставив меня без всяких средств к существованию с двумя детьми, дочь тоже умерла в голодное время от тубер<кулеза> костей. Остался один сын Виктор, для которого я жила, и которого постигла такая горькая участь. Я даже не знаю, в чем обвинен мой сын, все время он был при мне, товарищей у него не было, и всегда он стоял на стороне Сов<етской> Власти. Он страдает за какое-нибудь необдуманное слово, но что можно требовать от мальчика, не достигшего 17-ти лет. Сама я два с половиной года была без дела, что было: белье, мелкие вещи — все продано, чтобы поддержать Виктора. С осени я работаю на фабрике у станка, но, конечно, жалованье пока 25-30 р<ублей> трудно поддерживать мне сына, когда ничего нет. Многоуважаемая Екатерина Павловна, может быть, Вы своим ходатайством спасете моего сына, и мы верой и правдой заслужим прощение. Я посылаю Вам записку моего сына, полученную из ДПЗ перед отправкой в Соловки. Он бичует себя, что иногда был груб со мною, но это — глупость, может ли мать обижаться на своего сына. Простите меня еще раз, Екатерина Павловна, что я смею беспокоить Вас, и не откажите в моей великой просьбе.

27/1-30 г<ода>. Уважающая Вас. М. Руднева»¹.

К этому письму матери была приложена записка сына, написанная на обрывке листка бумаги в клеточку.

«Милая, дорогая мамочка! У меня был следователь и сказал, что на этих днях мне будет приговор, по всей вероятности с этим этапом придется ехать в Соловки. Ты не горюй и не расстраивайся. Я не боюсь, потому что знаю, что страдания посланы мне в наказание не за те преступления, в которых меня обвиняют, в них я не виновен, но за целый ряд преступлений, совершенных мною по отношению к тебе. Я не знал этого раньше и узнал, только сидя один в темной одиночке, теперь я знаю, что я — мерзавец, и несу наказание вполне заслужено. Этим наказанием я искуплю свою вину и начну новую жизнь честным человеком. Только жаль

¹ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 453. С. 497. Автограф.

тебя, моя милая мамочка. Не могу вообразить, как можешь ты остаться без меня и я без тебя. Вечно любящий тебя Витя.

P. S. Привет всем родным и знакомым. Горячее спасибо тете Оле с Сергеем Васильевичем за то, что приютили нас по приезде из Эст<онии>.

P. S. Письмо, о котором говорила, отд<ай> следователю»².

На письме матери — две пометы юридического отдела:

«14/II. Обещано запросить».

«По справке ОГПУ он умер. КРО 21/II».

В апреле 1930 — юридический отдел Помполита сообщил Марии Рудь-Рудневой.

<27 апреля 1930>

«М. РУДНЕВОЙ.

В ответ на Ваше обращение, согласно полученной из ОГПУ справке, сообщаю, что Ваш сын РУДЬ-РУДНЕВ Виктор Панк<ратьевич> умер»³.

В мае 1930 — Мария Рудь-Руднева обратилась за помощью к М. Л. Винаверу.

<20 мая 1930>

«20/V-30 г<ода>».

Уважаемый т<оварищ> Винавер, не откажите мне в последней к Вам просьбе, если возможно, то наведите справку, когда умер мой сын Рудь-Руднев Виктор Панкратьевич, какого числа. Если трудно, хотя в каком месяце приблизительно, вероятно, в ОГПУ известно. Мое предположение, что он умер давно, т<ак> к<ак> известий от него нет уже с ноября прошлого года. 6 месяцев. Раньше, получит он посылку или деньги и сейчас хоть открыткой он меня уведомлял. Посланы ему еще две посылки, одна посылка с сапогами и продуктами, другая — 2 рубашки теплых, еще кое-что и 6 р<ублей> денег в декабре, но ответа не получено, дошли до него посылки или нет? С 10 февраля по 29 апреля было отправлено ему 18 р<ублей> денег — 3 раза по 5 р<ублей> и 1 раз 3 р<убля>, собирала по грошам. Я сама зарабатываю 25 р<ублей> в месяц, и к тому же человек сама больной. Обрато я ни разу не получила. Почему они принимают в Кеми деньги, если человек умер? Умер он, верно, от тифа? В последней открытке он сообщал, что у него цинга и пухнут ноги, нет белья и обуви. Простите меня, т<оварищ> Винавер, что я беспокою Вас своими просьбами, спасибо Вам за справки и не откажите мне в этой милости: узнать, когда умер мой сын и от какой болезни.

С почтением М. Руднева.

Ленинград, Б<ольшая> Белозерская, дом № 27, кв. 20»⁴.

На письме — помета секретаря Помполита:

«31/V. Проверяется».

² ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 453. С. 496. Автограф.

³ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 453. С. 494. Машинопись.

⁴ ГАРФ. Ф. 8409. Оп. 1. Д. 453. С. 492-493. Автограф.